

Толпа понемногу пришла в движение, и Фу Сиянь постепенно оправился от пережитого ужаса. «Ветряной Колокольчик», подарок дяди, всё ещё покоился у него за пазухой, но в этот раз амулет промолчал. Это могло значить лишь одно: таинственный противник лишь испытывал его, не собираясь убивать. Юноша досадовал на себя — своей бурной реакцией он лишь выдал собственную панику и полное отсутствие самообладания.

Впрочем, винить себя во всём тоже не стоило.

За долгие годы он изрядно запустил боевые искусства. И хотя теперь в его теле зародилась истинная ци, все приёмы и стойки остались на уровне десятилетнего ребёнка. Против тех, кто слабее, он ещё мог напустить на себя важности, но перед лицом истинного мастера любая попытка сопротивления выглядела бы жалко — он даже сдаться толком не сумел бы.

Они отошли к краю улицы и присели на придорожный камень, чтобы перевести дух.

Чжоу Чжунсинь, понизив голос, предложил укрыться в Лоянской управе. С тех пор как император объявил о переносе столицы, статус местного градоначальника резко вырос. Прежний префект, проснувшись в один прекрасный день, обнаружил, что чин его сменился с четвёртого ранга на третий — из простого префекта он превратился в префекта Лояна.

Но в этой удаче таилась и беда. Должность стала слишком завидной, и влиятельные фракции уже начали за неё борьбу. Нынешний чиновник удерживался на месте лишь потому, что претенденты никак не могли договориться между собой. Но стоило великим домам прийти к соглашению, как его полномочиям пришёл бы конец.

Эту информацию Фу Сюань специально сообщил сыну перед отъездом. Он также упомянул, что в крайнем случае к этому человеку, чьё положение столь шатко, можно обратиться за помощью. Поместье графа Юнфэна не могло гарантировать ему сохранение текущего поста, но было вполне способно устроить его перевод на другое достойное место.

Фу Сиянь покачал головой.

Противник, который оказался сильнее самого Чу Гуана — это не тот враг, с которым справится обычный префект. Идти в управу — значит подставить под удар ни в чём не повинных людей.

— Он уже приходил один раз, — резонно заметил Сиянь. — Вряд ли он вернётся сегодня.

Чжунсинь, привыкший доверять чутью господина, не стал настаивать.

— Но если вдруг... — Сиянь придержал его за плечо и заговорил предельно серьёзно. — Я говорю «если». Если этот человек вернётся, мы разделимся и будем бежать порознь.

Лицо гвардейца изменилось, он открыл рот, чтобы возразить, но Фу Сиянь решительно его перебил:

— Если я буду один, у меня появится призрачный шанс на спасение. Но если ты будешь рядом, он использует тебя, чтобы надавить на меня. И тогда я буду окончательно загнан в угол.

Говоря так, юноша думал не только о жизни соратника. Он всё ещё питал слепую веру в особенности своего тела. Тот факт, что Тан Гун не смог причинить ему вреда, доказывал: его защита намного превосходит уровень его мастерства. Причина оставалась загадкой, но эта «черепашья броня» была его последним козырем — оберегом, который мог спасти жизнь в самый отчаянный миг.

— Господин, не думайте обо мне! — горячо воскликнул Чжунсинь. — Ваша безопасность превыше всего!

Сиянь вздохнул:

— Не заставляй меня выбирать между собственной шкурой и совестью. Это слишком жестоко.

Не всякая человеческая натура выдержит такое испытание, и лучше не доводить до этого. Гвардеец хотел что-то добавить, но Сиянь остановил его взглядом и похлопал по плечу:

— Это лишь план на крайний случай, он может и не понадобиться. А ты... посмотри на себя. Праздник Седьмой ночи давно прошёл, а ты всё ещё играешь роль влюблённого пастуха, разлучаемого с ткачихой.

Будь на месте этого человека его брат Гэнгэн, Сиянь наверняка не добился бы послушания, сколько бы ни распинался. Но Чжунсинь оправдывал своё имя — он был верен до конца. После недолгой внутренней борьбы тот всё же согласился.

Оставшуюся часть пути Чжунсинь провёл в режиме полной боевой готовности, словно герой драмы, на которого точат ножи все злодеи мира. Лишь когда вдаль показались очертания лагеря Цзиньивэй, он позволил себе немного расслабиться.

И именно в этот миг всё и случилось!

Узкий клинок бесшумно устремился к затылку Фу Сияня. И лишь тогда «Ветряной Колокольчик» за пазухой начал неистово вибрировать. Впервые магический артефакт сработал позже, чем противник нанёс удар.

Это могло значить только одно: мастерство нападавшего превосходило силу Тан Гуна!

Поскольку на открытой дороге негде было укрыться, а расстояние между ними было приличным, Фу Сияню чудом удалось увернуться, развернувшись всем телом. Чжунсинь хотел было броситься на помощь, но Сиянь, используя инерцию движения, резко оттолкнулся и на пределе своих сил припустил обратно в сторону городского рынка.

Такого поворота не ожидал ни защитник, ни сам убийца.

Впрочем, мастер явно не придавал этому значения. Взмахнув длинным мечом, он обрушил на гвардейца каскад ци, жалящей словно ледяной дождь, и, не оборачиваясь, бросился в погоню за толстяком.

Чжунсинь на мгновение застрял, отражая атаку, а когда смог броситься следом, оба уже скрылись из виду. Вспомнив о данном обещании, он круто развернулся и со всех ног помчался в лагерь Цзиньивэй за подмогой.

На самом деле решение Сияня бежать назад не было чистым самопожертвованием. Он понимал: самым сильным в лагере был Чу Гуан, но его мастерства точно не хватит, чтобы остановить такого врага.

Убийца нагонял. Фу Сияню пришлось бежать петлями, лихорадочно меняя направление. Это дало ему несколько секунд форы, но расстояние между ними неумолимо сокращалось.

Когда клинок уже был готов пронзить его плоть, между ними внезапно возник силуэт. Незнакомый, не говоря ни слова, метнул целую горсть громовых гранат.

Прогремел оглушительный взрыв. Грохот был таким сильным, что прохожие в десяти чжанах от них подпрыгнули от испуга. Однако убийца даже не замедлил бега. Прикрывшись щитом из истинной ци, он прорвался сквозь плотную завесу дыма — остриё его меча всё так же неумолимо стремилось к цели.

Сиянь снова прибёг к своему проверенному методу «черепашьего панциря», сосредоточив всю ци в спине, хотя в глубине души уже не верил в успех. В конце концов, Тан Гун в прошлый раз бил голыми руками, а не калёной сталью.

И в тот миг, когда кончик меча почти коснулся его одежды, раздался странный звук, похожий на влажный хлопок. Перед спиной юноши возникла ещё одна фигура. Красное лезвие меча прошло тело неизвестного насквозь, послышалось зловещее шипение, словно сталь прижгла живую плоть.

Спаситель припал на одно колено. Он не касался спины Сияня, но тому на миг показалось, что на плечи его навалилась невыносимая тяжесть, не дающая вздохнуть.

— Беги! — Юноша, бросивший гранаты, сильно толкнул его в плечо. — Быстрее! На

мануфактуру Сяньюнь!

Сиянь споткнулся, пролетел несколько шагов вперёд и, шатаясь, бросился прочь. Сердце обливалось кровью. Он сам просил Чжунсиня бросить его, а теперь двое совершенно незнакомых парней рисковали собой ради его спасения. И он не мог обернуться.

Обернуться — значит предать их жертву.

Теперь не оставалось сомнений: этот жуткий убийца не был Пэй Юаньцзинем. Более того, сам Молодой господин Пэй стал его единственной надеждой на спасение.

Только вот...

Где же, чёрт возьми, эта мануфактура Сяньюнь?!

Он бежал так долго, что перед глазами всё поплыло, окрасившись в багровые тона. И в этом кровавом мареве внезапно возникла вывеска — то самое облако под дождём.

Служащие лавки с изумлением уставились на взмыленного толстяка с растрёпанными волосами, который нёсся прямо на них. Кто-то даже схватил рулон ткани, собираясь отгородиться от безумца, но тот затормозил сам.

Сиянь и не подозревал, насколько жалко он сейчас выглядит. Вцепившись в дверной косяк и едва переводя дух, он прохрипел:

— Мне нужен ваш Молодой господин!

Приказчик нахмурился:

— Кто ты такой?

— Я... я друг вашего Молодого господина!

Служащий явно усомнился в том, что у их безупречного господина может быть такой неопрятный приятель. Но дисциплина во Дворце Бессмертных была строгой, и он нехотя согласился:

— Подожди здесь, я спрошу.

— Нет времени ждать! — Фу Сиянь, вспомнив кровь на том клинке, едва не сорвался на крик. — Веди меня к нему! Я... я... я супруга вашего Молодого господина!

Этот вопль по силе едва ли уступал взрыву громовой гранаты. Вся улица содрогнулась от этого крика.

В воцарившейся тишине на втором этаже лавки со скрипом приоткрылась створка окна. В проёме показалось лицо Пэй Юаньцзиня — холодное и ошеломляюще красивое.

Сиянь посмотрел на него и едва не расплакался от облегчения:

— Великий господин, спасайте!

— Кого ещё нужно спасти? — любопытно спросил чейто голос за его спиной.

— Спасти... — Сиянь замер. Голос показался ему до боли знакомым. Обернувшись, он увидел того самого юношу, который только что пафосно прощался с жизнью и гнал его прочь. Парень стоял перед ним цел и невредим и с любопытством его разглядывал.

Сердце Фу Сияня пустилось вскачь от пережитого стресса:

— Ты жив?!

Парень широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами:

— Если не могу победить, то уж убежать точно сумею. Ноги-то у меня есть!

Сиянь, который сам едва не выплюнул лёгкие в погоне, промолчал.

— А где твой напарник? — наконец спросил он.

— Раны зализывает, — небрежно бросил парень. — Получил — значит надо лечиться. Он же не дурак.

— ... — Фу Сияню внезапно показалось, что это он здесь и безногий, и дурак в придачу.

Юноша продолжил:

— Раз тебе больше никого спасать не надо, я, пожалуй, пойду?

— Постой, как мне тебя величать? — Сиянь быстро пришёл в себя. За спасение жизни одной благодарности мало, нужны осязаемые знаки внимания. Он сорвал с пояса ту самую нефритовую рыбку, на которую так обливался слюной старик в ломбарде, и всучил её парню. —

Держи пока. Вот оберу того богатого простофилю и обязательно выгуляю вас по лучшим заведениям.

За всё время службы в отделе Молнии Сяо Сан — а это был именно он — впервые получил чаевые. Он в замешательстве вертел подарок в руках, когда сверху раздался ледяной голос:

— Сяо Сан.

Парнишка втянул голову в плечи и в мгновение ока испарился.

Сиянь невольно позавидовал такой прыти. Навыки скрытности, как у легендарных героев прошлого, в реальности были штукой чертовски полезной. Спаситель-исполнитель ушёл, но тот, кто отдал приказ, всё ещё был наверху. Фу Сиянь уже набрал воздуха, чтобы крикнуть слова благодарности, но обнаружил, что окно уже закрыто.

Решив, что его не желают видеть, он вздохнул и собрался было уходить, пообещав себе вернуться позже с подарками. Но тут из лавки выбежал приказчик и почтительно произнёс:

— Молодой господин просит вас подняться.

Мануфактура была выстроена в форме каре с уютным садом во внутреннем дворике. С галереи второго этажа открывался весьма живописный вид.

Сиянь уже приготовил свою самую проникновенную речь, но его привели вовсе не к Пэй Юаньцзиню. Он оказался в комнате, где его ждала кадка с горячей водой и комплект свежей одежды.

— ...

Даже Третий принц не удостаивал его такими почестями. Фу Сиянь заперся и, взглянув на себя в зеркало, признал: вид и впрямь неподобающий. Он принялся старательно оттирать дорожную пыль и копоть.

Всё было прекрасно, за исключением одежды — глубокого чёрного цвета, который юноша терпеть не мог. Ему даже пришла в голову нелепая мысль: а не поверил ли Пэй Юаньцзинь его словам про «супругу» и не решил ли нарядить его в парные наряды?

От этой фантазии по спине пробежал холодок. Он решительно тряхнул головой, изгоняя морок.

Когда он открыл дверь, служащий всё ещё ждал снаружи и заботливо поинтересовался, доволен ли гость. Сиянь честно признался, что цвет одежды его смущает.

Приказчик удивился:

— Вы не носите чёрное?

Тот и впрямь не носил. При его белой коже яркие цвета смотрелись куда выигрышнее. Но у служащего, видимо, были свои взгляды на моду:

— Чёрный стройнит.

— ... — Фу Сиянь мысленно поставил «дизлайк» за честность. Затем его повели обедать.

— ... — Юноша снова мысленно поблагодарил, но вся эта процедура подозрительно напоминала приём в СИЗО — не хватало только лекции о вреде правонарушений и хорового пения патриотических песен.

Торопливо перекусив, он снова отправился вслед за служащим. Фу Сиянь чувствовал себя наложницей, которую ведут на свидание к императору: «Служанки бережно ведут её под локотки, едва дыша...» Правда, его «слабость» была чисто психологической — сколько можно тянуть эти церемонии, Чжунсинь и Гэнгэн наверняка уже с ума сходят!

К счастью, на этот раз Пэй Юаньцзинь действительно ждал его в комнате.

Слова благодарности, которые Сиянь прокручивал в голове, выплеснулись единым потоком — искренне и вдохновенно. Однако Молодой господин Пэй был поглощён чтением какой-то тетради и, казалось, ни капли не интересовался этой пламенной речью. Он даже взгляда на гостя не поднял.

Впрочем, юноша не обиделся. Спас жизнь — и на том спасибо, какая уж тут взаимность! Он деликатно кашлянул:

— Молодой господин Пэй, если я вам больше не нужен, я, пожалуй, пойду.

Пэй Юаньцзинь внезапно поднял глаза:

— Как у тебя с математикой?

Спрашивать такое у бывшего технаря? Сиянь внутренне усмехнулся, но вслух произнёс предельно кротко:

— Ничего не смыслю.

Он прекрасно видел, что не только в руках у Пэя, но и на столе, на чайном столике и даже на полу громоздятся горы тяжелых бухгалтерских книг. Благодарность благодарностью, но посвятить полгода жизни этим цифрам юноша не собирался — в Хаоцзине его ждал престарелый отец, мечтающий о сыновней заботе.

Пэй Юаньцзинь отложил тетрадь, подошёл к шкафу и снял с полки увесистую стопку книг. Фу Сиянь почувствовал неладное. Взглянув на названия, он едва не застонал:

[Математика в девяти главах]

[Математический трактат о морском острове]

[Математика пяти канонов]

[Метод интерполяции]

Это что же, ему предлагают самообразование прямо здесь и сейчас? Воистину, этот Молодой господин всё просчитал! Фу Сиянь предпринял последнюю попытку к бегству:

— Я сейчас живу в лагере Цзиньвэй, там строгие порядки. К тому же вести о нападении наверняка уже дошли до лагеря, мне нужно сообщить, что я в порядке.

Пэй Юаньцзинь не стал спорить. Он лишь спокойно спросил:

— А если убийца поджидает тебя за углом?

Сиянь и сам об этом думал, но и оставаться здесь было рискованно — он помнил, зачем Пэю нужны Пилюли Смешанного Ян.

— Чжунсинь наверняка уже привёл подмогу. Возможно, главнокомандующий Чу уже едет мне навстречу.

— Он не сможет тебя защитить.

Пока они ехали из усадьбы Ивового Древа, донесения о Фу Сияне стекались на стол Пэй Юаньцзиня, так что он знал о семьях Фу и Чу всё.

Северная Чжоу — это не Южная Юй. На юге Духовная школа является государственной религией, и недостатка в мастерах там нет. Северный двор же в этом плане был куда беднее. Такие воины стадии Ваджры, как Фу Сюань или Чу Гуан, в мире боевых искусств считались крепкими середняками, но против сегодняшнего убийцы они были бессильны. Видя колебания Сияня, Пэй Юаньцзинь распорядился:

— Пусть Сяо Сан передаст в лагерь весть, что ты в безопасности.

Против такой заботы — когда тебя не только спасают, но и готовы защищать дальше — Фу Сиянь не нашёл аргументов. Он взял кисть и, слегка подрагивающей рукой, набросал короткое письмо. Пэй Юаньцзинь нахмурился, глядя на корявые иероглифы. Юноша и сам был не в восторге:

— Жаль, крови нет, для убедительности.

В письме он сообщил, что на него напали, он чудом укрылся на мануфактуре Сяньюнь, но ранен и балансирует на грани жизни и смерти, поддерживаемый лишь отварами из столетнего женьшеня.

— Просто боюсь, что Чу Гуан прикажет мне возвращаться в лагерь хоть на карачках, — пояснил Фу Сиянь. Его мнение о семействе Чу сложилось в те времена, когда те нещадно его эксплуатировали, так что он привык ждать от них только худшего.

Пэй Юаньцзинь не понимал и не хотел понимать тонкостей общения столичных чиновников. Он просто позвал Сяо Сана и велел доставить письмо.

Раз уж пришлось остаться, пришлось и делом заняться. По приказу Пэй Юаньцзиня в комнате зажгли столько свечей, что стало светлее, чем в полдень.

Фу Сиянь со вздохом взял «Математику в девяти главах». Стоило ему прочитать предисловие, как на него нахлынул забытый ужас первоклашки перед строгим учителем. Если он осилит все эти тома, то древнюю математику, может, и выучит, но современную точно позабудет. Он прижал книги руками и изобразил на своём круглом лице неистовый восторг:

— Не поверите! Прочитал всего одну страницу, и — о чудо! На меня снизошло озарение! Я всё понял!

Пэй Юаньцзинь:

— ...

Он молча протянул одну из тетрадей. Сиянь заглянул в неё — обычные записи о доходах и расходах лавки. Поступления, траты... Ничего сложного, если бы не вертикальные столбцы иероглифов, от которых рябило в глазах. Объём работы был колоссальным, и Сиянь решил не скромничать. Он вооружился бумагой и тушью, переводя всё в привычные арабские цифры. Простые суммы он считал в уме, сложные выстраивал в столбики.

Пэй Юаньцинзнь хотел было предложить счёты, но, увидев, с каким рвением толстяк погрузился в вычисления, решил не мешать. Он сел у окна, глядя на заходящее солнце. Всё его существо излучало покой человека, временно отрешившегося от мирской суеты.

В это время года по комнате ещё летали редкие комары. И почему-то, хотя у окна сидел вполне доступный Пэй Юаньцинзнь, насекомые предпочитали лететь вглубь комнаты и с назойливым жужжанием кружить над Фу Сиянем. Тот то чесался, то отмахивался, пока внезапно не почувствовал тонкий аромат мяты. Над стопкой его тетрадей появилась тёмно-зелёная бусина — не то нефрит, не то диковинный камень. От неё исходила свежесть, в которой угадывались и сладкие нотки османтуса.

Сиянь с радостью взял бусину. Настоящий подарок небес! Он давно подумывал о производстве мыла, а если добавить к ассортименту духи и благовония, то дело пойдёт куда бодрее. Он хотел было расспросить Пэя о вещице, но тот исчез в мгновение ока, словно его и не было.

Вскоре после ухода Молодого господина к «больному» пожаловали Чжунсинь, Гэнгэн и Чу Шаоян. Сиянь успел вовремя юркнуть под одеяло и принимал их с таким видом, будто из него вот-вот вылетит последний дух. Чу Шаоян даже не стал тратить время на разоблачение этой дешёвой актёрской игры. Он прямо спросил:

— Собираешься остаться здесь?

Сиянь закатил глаза, изображая предсмертную одышку:

— Что поделать... Я и пальцем шевельнуть не могу.

Узнав, что Фу Сиянь нашёл убежище на мануфактуре Сяньюнь, Чу Шаоян поначалу ломал голову над его связью с Дворцом Бессмертных. Но после того как Чу Гуан ясно дал понять, что убивать толстяка не нужно, интерес сотника к нему угас.

— И на сколько ты здесь застрял?

Сиянь быстро показал ладонь.

— Пять дней?

Тот перевернул руку. Чу Шаоян вздохнул:

— Десять так десять. Раз уж ты не можешь подняться, пусть твои люди остаются здесь и присматривают за тобой. Если что-то понадобится — присылай гонца в лагерь. А я сейчас

отправлюсь в Лоянскую управу — о таком дерзком нападении нужно известить власти.

Такая неожиданная заботливость заставила Фу Сияня заподозрить, что в Чу Шаояна вселился какой-то добрый дух. Впрочем, скорее всего, поимка Чжан Дашаня заставила сотника осознать: этот толстяк не так прост, как кажется, и лучше проявить осторожность.

Пэй Юаньцзинь мчался сквозь ночь. Скорость его была такова, что ветер не успевал за его движением. Впереди мелькал силуэт в сером халате, выдерживающий тот же бешеный ритм. Преследуемый когда-то носил круглую шапку-футоу, но её давно сорвало порывом ветра.

Они неслись, словно два призрака, миновав границы Лояна и устремившись на юг. Простые крестьяне ничего не заметили, и лишь редкие мастера могли ощутить мощный ток энергии, прошедший мимо них. От такой силы любого бросало в холодный пот — будь у этих двоих дурные намерения, жизни случайных свидетелей оборвались бы мгновенно.

Впрочем, сейчас им было не до того. Организм обоих работал на пределе, достигнув того хрупкого баланса, когда любое лишнее движение могло нарушить ритм погони. Они бежали от заката до глубокой ночи. Человек в сером пытался запутать след в лесах и горах, но стоило ему свернуть в чащу, как расстояние между ними сокращалось. Преследователь явно выдыхался, в то время как Пэй Юаньцзинь, казалось, лишь входил в азарт.

— Молодой господин Пэй! — выкрикнул беглец.

Пэй Юаньцзинь использовал этот миг слабости для последнего рывка. Расстояние сократилось до двух чжанов! Человек в сером, стиснув зубы, резко развернулся и обрушил на преследователя удар ладонями, в который вложил всю свою ци.

Казалось, этот удар нёс в себе мощь бескрайних рек и гор. Он не был быстрым, но накрывал собой всё пространство! Тело Пэй Юаньцзиня внезапно сжалось, высокий воин словно превратился в стальной диск, который с лёгкостью прорезал удушающее давление. Мастер в сером ахнул — менять технику было поздно, и он просто выставил руки навстречу врагу.

Внезапно вспыхнуло алое пламя. Огненно-красный узкий клинок, подобно небесной комете, обогнул руки мастера и вонзился ему прямо в горло. Раздался металлический лязг. Шею человека покрывала прозрачная, почти невидимая чешуя.

— Доспех из рыбьей чешуи с золотой нитью... — негромко произнёс Пэй Юаньцзинь. — Повелитель Цилинь.

Тот хотел что-то ответить, но кончик красного меча внезапно вспыхнул яростным светом. Словно лава из глубин девяти преисподних, пламя мгновенно прожгло чешую и плоть, оставив

в горле дымящуюся рану.

Повелитель Цилянь замер, не в силах поверить, что его жизнь, полная величия и злодеяний, оборвалась так просто и беспощадно. Пэй Юаньцзинь даже не стал задавать вопросов. Он равнодушно вложил меч в ножны — оружие снова превратилось в изящную шпильку, которую он привычно воткнул в волосы — и, заложив руки за спину, отправился в обратный путь.

Когда Пэй Юаньцзинь вернулся, город уже просыпался. Уличные торговцы запели свои припевки, и ничто не напоминало о вчерашней битве. Вход на мануфактуру был ещё закрыт, но заветное окно на втором этаже оставалось приоткрытым.

Пэй впрыгнул в комнату. За столом вместо толстяка сидела Юй Сухуань. Она с улыбкой перелистывала записи:

— У Молодого господина воистину глаз-алмаз. Не знаю, как Фу Сияню это удалось, но он привёл счета в идеальный порядок за невероятно короткий срок.

Пэй Юаньцзинь, смертельно уставший, сел на стул и закрыл глаза. Он не стал признаваться, что вчера просто искал повод не отпускать парня. Заметив его состояние, управляющая Юй почтительно поднялась и направилась к выходу. У самых дверей она услышала его негромкий голос:

— Это был Повелитель Цилянь из Города Десяти Тысяч Зверей. Он пытался убить толстяка, подражая стилю Красного Дракона-вана. Теперь он мёртв.

Весь мир знал, что Красный Дракон-ван — личное оружие Пэй Юаньцзиня. Поняв, какой шторм мог разразиться в Поднебесной из-за кражи Пилюль Смешанного Ян и этого покушения, женщина тихо вздохнула и обернулась с лёгкой улыбкой:

— Что же, тем лучше.